

СТЁРТЫЙ

18+

Роман Никитин

Анахронизм. Стёртый

«Автор»

2026

Никитин Р. В.

Анахронизм. Стёртый / Р. В. Никитин — «Автор», 2026

Он проснулся в XXI веке с одной лишь памятью: позади — ледяной Петербург 1824 года. Теперь перед ним Москва-Сити, стекло и бетон. Капитан-лейтенант Императорского флота Бельский должен заново учиться говорить с этим миром, где честь офицера покупается, кадры решают всё, а легализация любой личности в государственной системе занимает меньше суток. Расследуя таинственное исчезновение цифрового магната, Бельский понимает, что стереть здесь могут кого угодно. Даже того, кого история однажды стёрла.

© Никитин Р. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Котлованъ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Полицейскій участокъ	9
ГЛАВА ТРЕТІЯ. Гильза	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Высокій грѣхъ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Роман Никитин

Анахронизм. Стёртый

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Котлованъ

1

Сознание возвращалось не светом, а болью — тупой, пульсирующей в затылке, словно били в корабельную рынду изнутри черепа.

Он лежал, уткнувшись лицом во что-то холодное и крошащееся, пахнущее сырой известью. Где же вода? Ведь была вода. Ледяная, чёрная, невская вода, заливающая подвалы Адмиралтейства. Он помнил, как бежал по коридору, как кричал писарь, как свод пошёл трещинами и рухнул, а потом — ничего.

Теперь — тишина. И сухо. И неестественно тепло.

Александр Платонович открыл глаза. Темнота. Не полная — где-то далеко, на границе восприятия, дрожал отсвет. Он моргнул, поднёс ладонь к лицу. Пальцы пахли не илом и не солью, а едкой химической горечью, незнакомой и тревожной. Он сел, упёрся плечом в низкий свод над головой и замер, пытаясь собрать мысли в подобие порядка.

Первая мысль: жив. Вторая: это не Петербург. Это вообще не похоже ни на одно место, где он бывал за тридцать пять лет жизни, — а бывал он, по флотской своей службе, и в Кронштадте, и в Портсмуте, и в Неаполе.

Он двинулся к свету — на карачках, потом согнувшись, по узкому лазу между неровных, щербатых стен, сложенных из серого, грубого камня, похожего на застывший песок. Лаз вывел его наверх. Он выбрался, цепляясь за обломки, и, поднявшись во весь рост, поднял голову.

И замер.

Небо было на месте. С небом всё было в порядке — бледно-синее, ноябрьское, с перистыми облаками, похожими на паруса далёкой эскадры. Но под этим небом стояли они.

Он не понял, что это такое. Не понял сразу. Никогда в жизни он не видел ничего подобного. Из земли выросли исполинские кристаллы — прозрачные, сверкающие, уходящие ввысь так далеко, что облака цеплялись за их верхушки, как дым за клотик мачты. Но эти штуки не были мачтами. Они были колоссальны. Чудовищны. Невозможны. Каждая из них превосходила высотой Исаакиевский собор, а то и две колокольни, поставленные одна на другую. И они светились — изнутри, как будто в их стеклянных внутренностях горел холодный огонь.

Бельский попытился, задрал голову до хруста в шее, пытаясь охватить взглядом хотя бы одну из этих башен целиком, — и не смог. Как если бы он, стоя на шканцах брига, пытался разглядеть верхушку грот-мачты, уходящей в самое небо, — только мачта эта была из стекла и стали и держала на себе не паруса, а облака.

— Господи Вседержителю, — прошептал он. — Что же это такое?..

2

Он сделал шаг, потом второй. Ноги дрожали — не от слабости, от того, что разум отказывался собирать картину в целое. Под ногами хрустело. Он наклонился, поднял какой-то предмет: маленький металлический цилиндр, тускло-жёлтый, с кольцевой насечкой. Повертел в пальцах. Не гильза. По крайней мере, ни на один известный ему ружейный патрон не похожа. Может, часть какого-то корабельного прибора? Но где корабль и где эта яма? Он машинально сунул находку в карман и двинулся дальше.

За краем котлована обнаружилась дорога.

Сначала он слышал звук. Низкое, утробное гудение, переходящее в свист, в вой, в рокот — так шумит прибой в шторм, но здесь не было моря. Он приблизился к источнику звука, выглянул из-за железного забора — и отдёргнул голову, как от удара.

По широкой и нечеловечески ровной дороге неслись бесноватые колесницы.

Он не мог подобрать другого слова. Металлические короба, разноцветные, блестящие, мчались один за другим с невообразимой скоростью, обгоняя друг друга, ныряя под землю и выныривая снова. Лошадей не было. Кучеров не было. Ничего — только короб и рёв. Некоторые из них везли в себе людей, и люди сидели внутри спокойно, глядя вперёд, будто это было в порядке вещей — доверить свою жизнь безумной самобеглой повозке.

«Как шлюпки, сорвавшиеся с талей, — мелькнуло в голове, — несутся сами собой, и никто не вызывает о помощи».

Одна из колесниц замедлилась, прижалась к обочине, и из неё вышли двое. Женщина и мужчина. Одежды их были странны — короткие, обтягивающие, без единой пуговицы. Мужчина держал в руке плоскую блестящую пластину размером с ладонь. Он поднёс её к уху и заговорил.

Бельский смотрел, не моргая. Человек разговаривал с куском стекла. Или металла. Или это зеркальце такое? Но тогда с кем он говорит? С самим собой? Нет, он явно слушал ответ — кивал, хмурился. Переговорное устройство? Но где провода? Где труба?

— Эй! — позвал Бельский. — Эй, сударь!

Его не услышали. Слишком далеко. Слишком громко вокруг.

Он выбрался из котлована и, пошатываясь, пошёл вдоль забора. Мундир — тёмно-зелёный, с чёрным, с остатками золотого шитья на воротнике, — был изорван и испачкан. Эполеты чудом уцелели, но левый висел на одной нитке. Сапоги ещё держались. Кортик отсутствовал — потерял, должно быть, в воде, или его унесло вместе с водой, или вода унесла его одного, без кортика, в этот безумный мир.

Он миновал угол забора, свернул — и вышел прямо к широкому проспекту, залитому людьми.

Толпа. Сотни людей, текущих сплошным потоком по каменным берегам проспекта. И каждый второй держал в руках ту самую плоскую пластину. Некоторые прижимали её к уху, как тот мужчина. Другие тыкали в неё пальцами, и пластина отзывалась, меняла цвета, вспыхивала, показывала какие-то картины. Третьи и вовсе подносили её на вытянутой руке, целились в себя и замирали на секунду — как пишут портрет, но без холста и красок.

Что это? Зачем они это делают? Он не мог понять. Не мог даже начать догадываться. Это было за пределами его картины мира, и от этого хотелось зажмуриться, как от яркого света.

Одна из фигур — юноша в мешковатой одежде, с белыми кругляшами в ушах, от которых тянулись удивительно тонкие змейки проводов, — заметил Бельского, подошёл и остановился, разглядывая, как небывальщину. Потянул ладони к ушам и убрал кругляши.

— Ого, — сказал юноша. — Дядь, вы откуда такой? Это чё, реконструкция? Типа, Бородино?

Бельский не понял про реконструкцию и Бородино, но общий смысл до него дошёл.

— Любезный государь, — сказал он. — Ради всего святого, скажите: где я нахожусь? Что это за город?

— Москва, — сказал юноша, оглядывая его всё более круглыми глазами. — Москва-Сити. Дядь, вы как сюда попали? Тут стройка вообще-то. Вон там — он показал туда, откуда вышел Бельский, — запретка. И охрана злая.

Бельский снова ничего не понял, кроме того, что он в Москве.

За семьсот вёрст от Петербурга. Каким образом? Когда? По какой причине? Последнее, что он помнил, — подвал Адмиралтейства, ледяной поток, крик писаря. А теперь Москва. И эти башни. И эти колесницы.

— Какой — голос сорвался. — Какой ныне год?

Юноша посмотрел на него с растущей тревогой — и с искрой любопытства, что для молодых людей всегда важнее тревоги.

— Две тысячи двадцать шестой, — сказал он. — А какой ещё?

3

Две тысячи двадцать шестой.

Бельский услышал эти слова, и мир покачнулся. Он ухватился за какую-то железяку, торчащую из забора, и с минуту стоял, дыша часто и неглубоко, как выброшенный на берег человек после кораблекрушения. Двести лет. С лишком. Двести два года.

Анна Сергеевна. Супруга его. Она осталась там, в ноябре двадцать четвёртого, в их доме на Васильевском. Ждала его к обеду. Волновалась. Вышивала в пяльцах. И не дождалась. И дочь, Дашенька, которой было семь лет, которая только-только начала выводить буквы и мечтала, чтобы папенька взял её на корабль. Все они — все — давно обратились в прах. В землю. В тлен.

Он прожил свою обычную жизнь, спустился в подвал за архивными ведомостями, а между тем его семья, без него, прожила целую жизнь: состарилась, умерла, истлела. И внуки его истлели. И правнуки. И даже память о нём, должно быть, рассеялась, как дым. И корабль его, бриг «Орфей», давно сгнил в каком-нибудь эллинге или пошёл на дрова. И весь Российский императорский флот, которому он служил, превратился в музейную пыль.

— Дядь? Дядь, вам плохо? Давайте присядем.

Юноша взял его за локоть. Бельский дёрнулся, но не сбросил руку. Почему-то это прикосновение — чужое, незваное — было естественным. В этом мире. Где стеклянные утёсы рвали небо.

— Ничего, — сказал он. — Пустяки. Я владею собою.

— Да ни фигя не владеете, — сказал юноша, как будто с трудом стыкуя свои непонятные слова с ясными «не владеете». — Вы бледный, как смерть. И прикид на вас Вы вообще кто?

Бельский выпрямился. Медленно. Тщательно. Распрямил позвоночник по одному позвонку — так, как выпрямлялся на мостике перед докладом старшему офицеру. Это движение ещё оставалось при нём.

— Капитан-лейтенант Российского императорского флота, — произнёс он. — Бельский Александр Платонович. Офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею.

Он ожидал реакции. Но не той, что последовала. Юноша сначала моргнул. Потом улыбнулся — не нагло, а как-то растерянно.

— Это типа шутка? — спросил он. — Или вы реально

Договорить он не успел. Из железной двери в заборе вышли трое. Все в одинаковом чёрном, с палками на поясах. Дубинки. Простое, грубое оружие, чтобы бить. Не шпага, не кортик — дубина, как у дикарей.

Один из троих — коренастый, с шеей, как окорок, — заметил их и двинулся к ним.

— Эй, — крикнул он. — Кто такие? Территория закрытая.

Юноша засуетился. Но Бельский не двинулся с места.

Он стоял, выпрямившись во весь рост — рост, кстати, немалый, — в своём рваном мундире, с эполетами, висящими на одной нитке, небритый, грязный, пахнущий известью и химической горечью, и смотрел на приближающегося человека с дубинкой. И в груди его, поверх

тошноты, поверх ужаса, поверх скорби по Анне и Дашеньке, поднималось что-то ещё. Старое. Знакомое. То, с чем он шёл на голландского рейдера в бытность свою мичманом. Ярость.

Человек с дубинкой остановился в трёх шагах.

— Кто такие, спрашиваю?

— Имени вам моего знать необходимости нет, — ответил Бельский. — Пока не представитесь, как должно по чину. Мой чин — капитан-лейтенант Императорского флота.

Пауза. Долгая. Охранник переваривал услышанное, и на его лице медленно проступало выражение, с которым человек смотрит на безобидного, но буйного сумасшедшего.

— Ага, — сказал он наконец. — А я тогда Наполеон. Слышь, артист, или ты сейчас валишь отсюда, или я вызываю наряд, и ты едешь в обезьянник. Понял, ряженный?

И улыбнулся — мерзко, с целью оскорбить, а не изобразить веселье.

— Вы изволите находить нечто забавное в моём мундире? — спросил Бельский ледяным тоном. — Или в моём звании?

Охранник скользнул взглядом по его плечам. По эполетам. По остаткам золотого шитья на воротнике.

— В цирке таких мундиров — завались, — сказал он. — Клоуны носят.

И теперь уже заржал. Двое за его спиной подхватили.

Бельский не шевельнулся. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он только перевёл взгляд с лица охранника на его дубинку, потом на его ботинки, потом снова на лицо. Медленно. Как будто записывал приметы в судовой журнал.

— Я удалюсь, — сказал он ровно. — Но будьте так милостивы указать, где находится ближайшее полицейское управление: мне надлежит о себе донести.

— Участок, что ли? — охранник махнул дубинкой куда-то влево. — Два квартала прямо, налево, увидишь. Только ты туда в таком виде не ходи. За бомжа примут. Хотя — он хмыкнул, — может, и за министра культуры.

Снова смех.

Бельский повернулся к ним спиной. Это был жест, который на флоте означал: разговор окончен, и не вам его продолжать. Он пошёл прочь, не оборачиваясь, хотя спина между лопаток чесалась в ожидании удара дубинкой.

Удара не последовало. Только смех за спиной, удаляющийся, и голос юноши, который почему-то пошёл за ним:

— Дядь, вы реально странный. Но крутой. Давайте я вам хоть дорогу покажу, а то потеряетесь.

Бельский кивнул, не поворачивая головы.

Он шёл, глядя прямо перед собой — на стеклянные колоссы, на ревущие колесницы, на толпу в странных одеждах, — и в голове его билась одна-единственная мысль, которую он повторял про себя, как молитву, как команду, отдаваемую самому себе:

«Жив. А раз жив — стало быть, не всё ещё решено: ещё увидим, чья возьмёт».

И ещё одна мысль, тихая, почти чужая:

«Господи, укрепи меня. Не напрасно же Ты привёл меня сюда».

ГЛАВА ВТОРАЯ. Полицейский участокъ

1

Полицейский участок, как называли тут околоток, оказался не таким, каким Бельский представлял его себе.

Ни тебе будки с будочником, ни съезжей избы, ни частного пристава. Серое трёхэтажное здание за стеклянными дверьми. Над входом — герб: двуглавый орёл с Победоносцем на груди, но почему-то на фоне флага торгового флота. Бельский всмотрелся было повнимательнее, но юноша — его звали Егор, он успел представиться, — уже тянул дверь.

Внутри пахло не табаком и не сапогами, а чем-то химически чистым, как в аптекарской лавке. Яркий свет, льющийся с потолка без видимых светильников. Гладкий пол. За стеклянной перегородкой сидел человек в тёмно-синей форме, склонившись над столом. Перед ним стояла плоская доска, утыканная литерными костяшками, — и человек быстро-быстро ударял по ним пальцами, а на вертикальной светящейся доске перед ним возникали строки текста.

Бельский замер.

В Англии один изобретатель получил патент на машину для печати текста, но дальнейшая судьба изобретения неизвестна. А несколько лет назад европейские газеты рассказали про эксперимент некого итальянца, который якобы сделал похожую машину для слепой графини, но опять же, ничего конкретного про сие чудо техники неизвестно. А здесь — вот она, машина но где же бумага? Где рычаги? Человек печатал — он не мог подобрать другого слова, это была именно печать, механическое воспроизведение букв, — но вместо листа перед ним сиял экран, похожий на ожившую картину. Строки возникали из ничего и уплывали вверх, освобождая место новым.

Диво какое, — прошептал Бельский. — Бумаги нет вовсе — а письмо вот. Само ползёт. И как легко работать!

Егор покосился на него, но ничего не сказал.

Дежурный поднял голову. Это был мужчина лет пятидесяти, с усталым лицом и аккуратными усами — не франтовскими, а уставными, какие носили унтер-офицеры. Нашивки на форме были Бельскому незнакомы, однако на плечах — тряпичное подобие простецких эполет, на каждом — по золотой полосе. Золотой! Однако общий вид служивого говорил о невысоком чине и долгих годах службы.

— Слушаю, — сказал он. Голос ровный, без агрессии, но и без лишнего тепла. Служебный голос.

Егор замялся. Бельский шагнул вперёд.

— Капитан-лейтенант Российского императорского флота Бельский Александр Платонович, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и буднично. — Офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею. Я прибыл с тем, дабы о себе донести и объяснить моё пребывание в сем городе.

Дежурный моргнул. Медленно перевёл взгляд с лица Бельского на его рваный мундир, на эполет, висящий на одной нитке, на грязные сапоги. Потом посмотрел на Егора.

— Это что? — спросил он и, заметив неодобрительный взгляд Бельского, поправился. — Кто?

— Не знаю, — честно сказал Егор. — Он из котлована вылез, на стройке, возле Сити. Я просто мимо шёл, в пролом заметил. Ну и к нему. Думал — может, пьяный, а он говорит — из тысяча восемьсот какого-то года. И к вам собирался. Думаю — лучше проводить.

Дежурный вздохнул — так вздыхает человек, который за смену видел уже пятнадцать странных, но этот был шестнадцатым и самым странным.

— Документы есть?

— Никак нет-с, — ответил Бельский.

— Почему?

— Утрачены при чрезвычайных обстоятельствах: я попал в наводнение.

— Когда?

— Седьмого ноября.

— На дворе октябрь, — усмехнулся усатый.

— Седьмого ноября тысяча восемьсот двадцать четвёртого года, — дополнил ответ Бельский.

Пауза. Дежурный смотрел на Бельского, и на его лице медленно проступало что-то среднее между усталостью и профессиональным сочувствием.

— Понял, — сказал он. — Давайте так. Вы пока присядьте. Я сейчас вызову, с вами поговорят. Вас не затруднит, господин лейтенант?

— Капитан-лейтенант, — поправил его Бельский. — С кем имею честь?

Мужчина в форме переглянулся с Егором, словно они тут вместе работали. Наконец усатый взял себя в руки и представился:

— Старшина Петров. Главное управление Министерства внутренних дел России по городу Москве. Достаточно?

Бельский кивнул и, удержался от улыбки при словах «внутренние дела», и даже чуть пристукнул каблуками. Хотя сам недоумевал, что флотский делает в полиции. Потом послушно отошел в сторону и сел на жёсткий стул у стены. Егор после недолгой беседы с полицейским, сел рядом и тут же достал свою плоскую пластину. Нажал на неё — и пластина засветилась, явив цветную картину, яркую до неправдоподобия.

Бельский невольно скосил глаза. И застыл.

На пластине было изображение. Не рисунок. Не гравюра. Изображение такой точности и такого цвета, каких он не видел никогда в жизни. Лицо девушки — живое, объёмное, с румянцем на щеках, с прядями волос, различимыми по отдельности. Девушка улыбалась, и улыбка её была схвачена в один-единственный миг, как будто время замерло.

— Что сие такое? — спросил он шёпотом.

— Чё? — Егор поднял голову. — А, это? Да незнакомка. Щёлкнул из толпы.

— Сударь, я интересуюсь не личностью этой молодой особы, — объяснил Бельский. — А тем, как воспроизводится изображение.

— Так это фотка, — чуть удивленно ответил юноша. — Ну, фотография. Снимок.

Фотография. Бельский слышал это слово — кажется, что-то такое изобретал француз Ньепс, светопись, закрепление изображения на пластине. Но то были слухи, лабораторные опыты, неясные и спорные. А здесь — вот она, эта пластина с фотографией. В руках у мальчишки, яркая, мгновенная, цветная, как сама жизнь.

— Она в цвете, — проговорил Бельский. — И столь мала, и столь ясна. Как же сие возможно?

— Ну, телефон, — сказал Егор, пожав плечами. — Камера. Вы чё, никогда не видели?

— Нет, — сказал Бельский. — Никогда не видывал.

Егор уставился на него. Потом, после паузы, протянул пластину:

— Хотите посмотреть? Тут можно пальцем перелистывать. Вот, смотрите.

Бельский взял в руки — осторожно, как бомбу. Под пальцами она была тёплой и гладкой. На пластине всё ещё светилась девушка. Он провёл пальцем, как показал Егор, — и изображение сменилось другим: городская улица, залитая солнцем, с теми самыми стеклянными башнями на заднем плане. Провёл ещё — ещё одна девушка, другая. Провёл ещё — море. Море, снятое с высоты птичьего полёта, синее до рези в глазах, с барашками волн, замершими на лету.

Бельский вздрогнул. Он видел море тысячи раз — и жалел, что воспоминания об этом останутся лишь у него в памяти. Денег на услуги художника-мариниста даже у капитан-лейтенанта не было. А тут — готовая картина в руках. Как портрет незнакомки.

— Господи милостивый — выдохнул он. — Да это ж истинное чудо.

— Да ладно, обычный смартфон, — сказал Егор, но в голосе его не было насмешки. Скорее, смущение. — У всех такой.

Бельский вернул пластину. Пальцы его дрожали.

— У всякого, — повторил он. — У каждого встречного. Светопись — в кармане. Или письмо — без бумаги. Или повозки — без лошадей. Что же это за век такой?

— Двадцать первый, — сказал Егор. — Обычный.

Из глубины коридора вышел человек в форме — постарше дежурного, с более сложными нашивками. Но эполеты такие же простые, без шитья. Как тонкие дощечки — на каждой по две пятиконечных звезды на двух просветах. Так, уже звезды, не просто плашки, как у первого. Наверняка старший офицер.

Офицер подошёл к ним, оглядел тут же поднявшегося со стула Бельского.

— Александр Платонович? Пройдёте.

Дежурный что-то шепнул ему на ухо.

— Простите великодушно, — на лице старшего мелькнула и исчезла улыбка. — Не представлялся. Меня зовут Игнат Андреевич Храпов, я подполковник полиции.

Он встал ровнее — хоть и не во фрунт.

Бельский подобрался. Подполковник? Во флоте такому чину соответствовал капитан второго ранга — прямой начальник, перед которым капитан-лейтенант стоял навытяжку и докладывал по всей форме. Рефлекс сработал прежде рассудка: каблуки мягко стукнули друг о друга, спина выпрямилась, подбородок пошёл вверх.

— Ваше высокоблагородие — произнёс он и осёкся на полуслове.

Храпов чуть приподнял бровь.

— Простите, — Бельский кашлянул. — Привычка. Бельский Александр Платонович, капитан-лейтенант Российского императорского флота, офицер для особых поручений Адмиралтейств-коллегии. Честь имею.

Храпов помолчал секунду. Потом кивнул — сдержанно, но без насмешки:

— Взаимно. Пройдёте, Александр Платонович.

2

Кабинет был невелик размером и совершеннейшим образом безлик. Стол, два стула, шкаф, на столе — такая же литерная доска, как у дежурного, и такая же светящаяся доска рядом, без текста. Здесь на ней светился герб, в основе которого узнавался всё тот же двуглавый орёл на трёхцветном фоне. Тут, правда, ещё были скрещенные шашки позади. Что ж, эмблема воинского братства на гербе полиции, сплошь состоящей, как уже понял Бельский, из кадровых военных — разумно.

Храпов предложил место, сам сел напротив, сложил руки на столе.

Только после этого Бельский позволил себе сесть на указанное место.

Храпов был вежлив. Очень вежлив. Именно так, как бывают вежливы полицейские чины (даже с военным прошлым), когда имеют дело с человеком, который может оказаться и опасным, и больным, и жертвой, и свидетелем — и лучше до поры не выбирать ни одну из ролей.

— Александр Платонович, я выслушал ваш разговор с дежурным. Теперь хочу услышать от вас лично. Кто вы? Откуда? Как оказались на стройке?

Бельский не стал спрашивать, каким образом Храпов слышал разговор с дежурным. Захочет — сам скажет. И ответил ему по существу. Рассказал коротко — без «сударей» и цветистых оборотов, как докладывал бы старшему офицеру в походе. Адмиралтейств-коллегия.

Подвал. Наводнение. Провал — и пробуждение в котловане. Приметы места: башни, колесницы, толпа с пластинами.

Подполковник слушал, не перебивая. Его лицо оставалось неподвижным. Только раз он бросил короткий взгляд на экран, пробежал пальцами по кнопкам — и Бельский заметил, как на экране мелькнула какая-то страница с текстом. Да это, пожалуй, не печатная машинка, а какая-то форма телеграфа. Храпов ведь ничего не печатал, а текст — вот он.

Когда Бельский закончил, подполковник, как и следовало ожидать, помолчал. Потом сказал:

— Вы понимаете, Александр Платонович, что ваш рассказ звучит необычно?

— Вполне разумею, — сказал Бельский. — Он и для меня самого звучит необычайно. Я не ведаю, как сие истолковать. Каким образом очутился здесь. Знаю одно: седьмого ноября я вошёл в подвал Адмиралтейства — и очнулся в вашем городе, по прошествии двух столетий. И ныне я тщусь уразуметь, жив ли я, сплю ли, не лишился ли рассудка — или же всё сие впрямь происходит наяву.

Храпов кивнул — не соглашаясь, но принимая к сведению.

— Я вас понял. Теперь формальная часть. У вас нет документов, удостоверяющих личность. По закону я обязан её установить. Не «имею право установить», а обязан это сделать, понимаете?

— Всецело.

— Прекрасно, — Храпов кивнул с видимым облегчением. — Но для этого потребуется время. И я не могу вас отпустить — вы останетесь здесь, в участке.

Бельский напрягся.

— Стало быть, под арестом?

— Нет. — Храпов покачал головой. — Под присмотром. У нас есть помещение для временного размещения. Не камера. Комната. Вы не преступник и не подозреваемый, но не можете находиться на улице без документов. Таков регламент.

— Извольте прояснить, какой из регламентов?

— Закон, — припечатал Храпов.

Бельский выдохнул. Да, теперь ему было понятно. И это было справедливо. Он сам, оказавшись на месте этого Храпова, поступил бы так же.

— Разумею, — сказал он. — Покорнейше благодарю за разъяснение.

Храпов снова кивнул. Потом, чуть помедлив, добавил:

— Я запросил базы. Архивы по вашему имени и званию простите, чину. Но, повторюсь, проверка потребует времени.

— Насколько длительного?

Бельский ожидал, что ему сейчас назовут пару недель — выражение лица Храпова выдавало нежелание говорить неприятные вещи. Но слова прозвучали иные:

— Боюсь, что придется подождать. Сутки, может дольше. В любом случае, за сорок восемь часов мы обязаны выяснить вашу личность, или же — Он помолчал и нехотя добавил. — В общем, если не выясним, то вами займётся другое ведомство.

Бельский ничего не ответил и, поняв, что разговор закончился, встал, поставил стул на место, и вытянулся, ожидая дальнейших событий. Пока с ним обращаются вежливо, хоть и необычными словами. Но двести лет. Бельский представил себе, как бы в его родной столице приняли офицера в рваной форме времен войны со шведами.

Тут с ним обошлись куда человечнее.

Храпов тем временем открыл дверь и вызвал помощника — молодого человека в форме, — и тот проводил Бельского в небольшую комнату с койкой, столом и окном, выходящим во внутренний двор. Бельский сел на койку и закрыл глаза.

«Держаться.»

Комната была мала, но чиста. Койка, стол, стул. Окно, выходящее во внутренний двор, — прямоугольное, без переплёта, с огромнейшим стеклом неестественно прозрачным, без единого пузырька или волны. На столе — ничего. На стенах — ничего. Бельский оглядел помещение, как осматривал бы каюту, выделенную ему на незнакомом судне: запомнил расстояние от двери до окна, отметил отсутствие видимых запоров, прикинул толщину стен, ширину оконного проёма.

Затем сел на койку. Пружины отозвались непривычно, но не неприятно. Он снял сапоги — с трудом, потому что кожа разбухла и задубела. Поставил их рядом с кроватью, ровно, носками наружу. Привычка. Размотался и убрал обмотки в сапоги.

Теперь он сидел босиком на казённой койке, в рваном мундире, и слушал тишину.

Тишина была странной. Не деревенской — без сверчков, без ветра, без петухов или далёкого лая. И не городской — без цокота копыт, без криков ночных сторожей. Вместо этого — низкий, почти неслышимый гул, пронизывающий стены. Как будто огромный зверь дышал где-то под землёй, и эхо его гуляло меж стенами высоких, словно сосны, домов.

Бельский закрыл глаза. Открыл. Снова закрыл.

Нет. Это не сон. Он не проснётся в своей постели на Васильевском. Не услышит, как Анна зовёт его к завтраку. Не увидит Дашеньку, бегущую по коридору с бумажным корабликом в руках.

Он сжал кулаки, накрепко, затем резко разжал.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Раз так — осмотримся.

Он встал и подошёл к двери. Ручка была металлическая, изогнутая, без привычной круглой розетки. Он нажал — дверь открылась. Не заперто. Храпов сдержал слово: это не камера.

Бельский закрыл дверь — пока с ним по совести, он тоже не будет бесчинствовать. Огляделся. Рядом, в стенной нише, обнаружилось то, что он принял за умывальную комнату.

Он вошёл и огляделся. Плитка. Белая, гладкая, без единого шва. Раковина. Над раковиной — блестящая трубка с какой-то насадкой на конце. Кран? Но где рукоять, где винт?

Он поднёс руку к насадке — и из неё хлынула вода.

Бельский отёрнул руку. Вода перестала.

Он замер. Снова поднёс руку. Вода потекла опять — ровная, тёплая, чистая, течёт беззвучно. Он убрал руку. Вода иссякла.

— Водопад по мановению руки, — пробормотал он. — Как в сказках про царя Соломона.

Он умылся. Лицо мыл долго, тщательно. Смыл пыль и химическую горечь. Вода была мягкой — не такой, как невская, без привкуса железа. Он попил прямо из-под струи, набирая в ладони. Не родник, но приятная.

И только после этого Бельский разглядел своё лицо в зеркале над раковиной.

Из зеркала смотрел человек, которого он не сразу узнал. Осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, с пробивающейся щетиной. Мундир висел мешком. Золотое шитьё потускнело.

— Ну здравствуй, Александр Платонович, — сказал он своему отражению. — Хорош же ты.

Вернувшись в комнату, он подошёл к окну.

Внутренний двор был пуст. Фонари освещали мостовую. Ну как мостовую. Не бывает таких мостовых. Ровный, серый камень, как шершавое стекло. Без булыжников, лишь кое-где в трещинах, но явно от усталости, это не укладочные швы. Да и не принести сюда, во двор, такую громаду камня. Стало быть, или не камень, или выложили непостижимым ему способом.

Где-то далеко, за крышами, поднимались к небу стеклянные колоссы. Ночью они выглядели иначе.

Днём они подавляли своей высотой, своей геометрической невозможностью. А ночью... Светились. Все. Тысячи огней горели внутри них, и башни казались не зданиями, а гигант-

скими светильниками, поставленными неведомым великаном. Некоторые огни горели ровным белым светом, другие — жёлтым, третьи — мертвенно-голубым. И все вместе они создавали картину такой красоты и такого чуждого величия, что у Бельского перехватило дыхание.

«Как звёзды, — подумал он. — Мои потомки сделали звёзды у себя под ногами.»

И тут же накатило:

«И зачем теперь им я? И что они построили — рай или ад?»

Ответа не было. Только гул. Только огни.

Он отошёл от окна, встал на колени посреди комнаты. Пол был холодный, и это было правильно.

Он молился. Как привык молиться в море, перед боем, перед допросом — коротко, без лишних слов, но всем существом.

— Отче наш, сущий на небесах да будет воля Твоя яко на небеси и на земли

Слова текли привычно, но сегодня они звучали иначе. Не как просьба о защите. Как отчёт.

— и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Он замолчал. Потом добавил, уже не по канону, шёпотом:

— Господи. Я не знаю, зачем Ты привёл меня сюда. Я не знаю, что Ты от меня хочешь. Но я здесь. И я ещё жив. Дай мне понять, что делать дальше. Аминь.

Он перекрестился и остался на коленях. Глаза были закрыты.

— Анна Сергеевна, душа моя, — сказал он тихо. — Прости меня, грешного. Я не вернулся к обеду.

В горле встал ком. Он сглотнул.

— Дашенька. Солнышко моё. Ты уже научилась писать, я знаю. Ты, наверное, стала красавицей. Ты, наверное, была счастлива. Прости, что папенька не увидел.

Он замолчал. Слез не было — он не умел плакать. Но где-то глубоко внутри, под флотской выучкой и офицерским достоинством, что-то оборвалось и упало в темноту.

Он дал себе минуту. Ровно минуту. Потом встал.

— Всё, — сказал он. — Хватит.

Он снова сел на койку и стал думать.

Храпов дал ему двое суток. После этого — другое ведомство. Какое? Что они делают с людьми без документов? Сажают в дом умалишённых? Отправляют в пустынь? Высылают за море? Он не знал. Но он понимал одно: если он не докажет свою полезность, его наверняка запишут в умалишённые и запрут.

Значит, нужно доказать.

Чем он может быть полезен людям этого времени? У них есть машины для печати документов и вытаскивания их из неведомых архивов — за секунды. У них есть цветная светопись в каждом кармане. У них есть самобеглые повозки, несущиеся со скоростью ветра, и вода, текущая по мановению руки. Что может предложить им он? Человек, чьи знания устарели двести лет назад?

Он закрыл глаза и стал перебирать, как чётки, свои навыки.

Навигация и мореходка? Здесь наверняка давно уже нет парусного флота — хотя бы потому, что первый угольный пароход уже ходит ходил до Кронштадта и обратно во времена Бельского. Местные, наверное, над водой летают, как летучие рыбы.

Картография? У них, наверное, карты самого дна морского.

Такелажное дело? Смешно. Погрузочные работы? Ещё смешнее.

Опросы и допросы? Вот это разве что.

Он умел разговаривать с людьми. Умел слушать. Умел замечать, когда человек лжёт, — по движению глаз, по дыханию, по тому, как он держит руки. Этому его учил старый следователь Крюков, ещё в Адмиралтействе, и этому его научила служба на флоте, где одно невер-

ное слово могло стоять жизни, а нижние чины даже не офицера, а мать родную оболгут — не поморщатся.

Бельский открыл глаза.

— Дело, — сказал он вслух. — Мне нужно дело. Связанное с опросами. У местного дознавателя, или как тут его называют, наверняка есть что-то, на что он и его люди махнули рукой. По-другому не бывает.

Завтра утром он попросит Храпова дать ему это дело. Под контролем. Под присмотром, хоть под кандалами — как угодно.

Если нет — что ж. Он хотя бы попытался. Решено.

Он лёг на койку, не раздеваясь. И уснул так, как привык — быстро и крепко.

ГЛАВА ТРЕТІЯ. Гильза

1

Бельский проснулся затемно, по флотской привычке. Несколько секунд лежал неподвижно, восстанавливая картину мира: тело помнило, где оно, но разум ещё цеплялся за обрывки сна — невская вода, крик писаря, лицо Анны. Он сморгнул и сел на койке. Пружины скрипнули, но не жалобно, а по уставу. За окном серело осеннее, как он теперь знал — октябрьское небо, подсвеченное снизу огнями города.

Он привёл себя в порядок — насколько позволяли обстоятельства. Умылся над раковиной. Мундир был безнадежен, но он одёрнул его, поправил эполет, висевший на нитке, и пригладил волосы ладонью.

Еще полчаса ничего не происходило, и он просто сидел на койке, как на стуле.

Наконец в дверь постучали. Не Храпов — другой человек, моложе, в такой же тёмно-синей форме.

— Бельский? Александр Платонович? На помойку.

— Простите?

— Выходим на санитарную обработку. Раз в сутки положено.

Бельский кивнул. Имя и отчество — уже неплохо. Храпов, видимо, оставил распоряжения.

— Позвольте вопрос: Игнат Андреевич у себя?

— Будет позже, — ответил молодой, но тут же добавил, заметив, как Бельский напрягся: — Он знает. Вас проводят и обратно.

Бельский вышел в коридор. И сразу заметил: у двери, которую ночью никто не запирает, стоял ещё один человек в форме. Не охранник с дубинкой — полицейский офицер, судя по значкам на плечах. Стоял спокойно, руки за спину, но сам факт.

«Значит, всё-таки под присмотром, — подумал Бельский. — Дверь не запирали, но коридор стерегли. Разумно. Я бы сделал так же».

Его провели в душевую — кафельную комнату с несколькими кабинками, закрытыми удивительными шторками — вроде как бумажными, но по сути — из тончайшей не мокнущей парусины, что ли. Пахло чем-то едким, отдалённо напоминающим мыло. Молодой выдал ему полотенце, стопку чистой одежды — серую, казённую, без погон — и указал на кабинку.

— Ваше заберём в чистку. Если ещё что от него осталось.

Бельский хотел возразить — мундир был последней нитью, связывающей его с прошлым. Но осёкся. Мундир действительно был грязен и рван.

— Хорошо, — сказал он. — Только прошу: ничего не выбрасывать.

Молодой пожал плечами и вышел за дверь. Бельский остался один.

2

Вода в душе, опять же, как в сказке, была или горячей, или холодной, или какой пожелаешь. Поначалу Бельский не понял, что температуру можно менять. Стоял под горячей — чуть не сварился. Но самостоятельно разобрался с кранами, благо уже понял, как тут что не то, чтобы работает, а как задумано. И встал под тёплыми струями, закрыв глаза, чувствовал, как смывается не только грязь — усталость, страх, тошнота прошедшего дня. Клубился пар с пола, поднимался под потолок и куда-то уходил, будто приглашенный. Бельский огляделся по сторонам, никого не заметил и перекрестился.

Потом оделся в казённое. Исподнее — удобное, не особо просторное, но ткань, словно вторая кожа, тянется, не жмёт. Серая рубаха, серые штаны. Мягкая материя, рубаха без пуго-

виц — вместо них какая-то мудрёная застёжка, напоминающая зубчатую рейку. Бельский повертел в пальцах эту конструкцию и был вынужден расписаться в невежестве, обратившись к местному. Ему помогли, назвав застёжку молнией. Бельский сам понял, почему — закрывалась она и в самом деле быстро. Будь такое на корабле — подъём с тревоги по боевому можно было бы сократить как минимум на полминуты.

Пришел ещё один офицер. В одной руке — мундир Бельского, упакованный в странный прозрачный мешок. В другой — маленький металлический цилиндрок. Тот самый, что Бельский нашел в первые минуты осознания себя живым. И сунул в карман, не задумавшись, зачем.

Первый из конвоиров, который объяснял Бельскому про застёжку-молнию, глянул на вошедшего.

— Что там?

— Вот, — второй показал цилиндрок. — В кармане было.

Первый подошёл и забрал латунный предмет. Повернулся к Бельскому:

— Что это? — Голос его изменился: меньше вежливости, больше настороженности. —

То есть откуда это?

— Нашёл, — спокойно ответил Бельский. — В котловане, из которого вылез.

Молодой посмотрел на цилиндрок, потом на Бельского.

— Ждать здесь.

Он вышел, плотно закрыв дверь за собой. Бельский услышал, как снаружи встал тот самый второй, что принес цилиндрок.

«Вот как, — подумал он. — Теперь уже под охраной».

Он сел на скамью и стал ждать. Голова всё ещё соображала с трудом, но все-таки соображала. Он хорошо понял, что полицейские узнали эту латунную штучку. И им это явно не понравилось.

3

Прошло около часа. Бельский успел перебрать в уме возможные варианты, но ни один не казался вероятным. Когда дверь отворилась, на пороге стоял Храпов. Лицо его было бесстрастным — так смотрит человек, принявший решение. Не окончательное, но решение.

— Александр Платонович. Пройдёмте.

Их привели в иное помещение. Меньше прежнего, без окон, со стенами, выкрашенными в скучный серый цвет. Стол, прикрученный к полу. Лампа под потолком. Бельский сразу узнал допросную. И хотя внутреннее убранство отличалось от привычного ему, суть оставалась неизменной: это место для получения ответов.

Храпов сел напротив. Извлёк из кармана прозрачный пакет — Бельский до сих пор не мог взять в толк, из чего сделана эта невесомая оболочка, — и положил на стол тот самый цилиндрок, найденный в котловане.

— Ваше? — спросил подполковник.

— Так точно.

— Знаете, что это?

— Никак нет.

— Это гильза, — сказал Храпов. — Объяснять, что такое гильза, нужно?

— Извольте.

Храпов объяснил — толково, без лишних слов. Бельский слушал, не перебивая, кивком принимая концепцию.

— Соединить снаряд с метательным зарядом в едином корпусе — идея здравая, — отозвался он. — В моё время подобные изыскания велись. Французы, помнится, предлагали нечто подобное. Но в данном исполнении идея порочна.

Храпов прищурился:

— Поясните.

— Охотно. Позволите? — Бельский указал на пакет.

Он взял предмет двумя пальцами, поднёс к глазам. Храпов не прервал его, лишь следил с интересом взявшего след пса.

— Я офицер флота, Игнат Андреевич, — негромко начал Бельский. — Знаком с артиллерийским делом не понаслышке. Если это, как вы изволили выразиться, гильза термин, полагаю, немецкого корня? Так вот, если внутри должен был находиться порох

Он принялся. Запах гари присутствовал, но был непривычно кислым, «тонким», лишенным грубой селитряной основы оружейного пороха.

— Эта оболочка должна выдерживать колоссальное давление газов при воспламенении, — Бельский провел пальцем по донцу. — Наибольшее напряжение приходится на эту часть, на «юбочку». Здесь стенки должны быть максимально усилены.

Он повернул цилиндрик боком:

— А здесь мы видим иное. Ёмкость сего сосуда я оцениваю в полтора-два золотника пороха. В таком калибре для придания снаряду должной убойной силы этого объёма недостаточно. Но если, паче чаяния, зарядить его под завязку, давление газов мгновенно превысит предел прочности этой латуни, тонкой, как писчая бумага. Камору разорвёт, а стрелка изувечит осколками. Это очевидно любому, кто хоть раз видел разобранную пушку.

Бельский перевернул цилиндрик:

— И главное — отсутствие запала. Здесь нет ни запальной трубки, ни капсюля, если не считать за таковой вот это бесцельное глухое отверстие, — он коснулся пальцем центра доньшка гильзы. — Это просто латунная трубка, в которой кто-то сжёг некий химический состав. Скорее, это часть механизма, нежели боезапас.

Он положил пакет на стол. В допросной повисла тишина. Храпов смотрел на Бельского, затем перевел взгляд на гильзу.

— Вы это прямо сейчас просчитали? На глаз?

— Не на глаз, — отрезал Бельский. — Согласно Наставлению об артиллерийской службе императорского флота Его Величества. Оружейник, работающий «на глазок», — это покойник, а его расчет — братская могила.

Он осекся, осознав резкость тона, и поднял глаза на подполковника:

— Прошу извинить, Игнат Андреевич.

— Вы инженер? — Храпов продолжал вертеть гильзу, словно пытаясь увидеть в ней то, что увидел Бельский.

— Я знаю физику, — пожал плечами Бельский. — И баллистику. Этого достаточно.

Храпов откинулся на спинку стула. Долго изучал человека напротив: в казенном обмундировании, босого, изможденного, но с выправкой и познаниями в оружейном деле.

— Александр Платонович, — сказал он наконец. — Примите извинения за резкость. Мои люди привыкли к обману. Но то, что вы сейчас произнесли это либо блестящий розыгрыш, либо я даже не знаю, как это назвать.

— Я не комедиант, — Бельский позволил себе легкую улыбку. — Я кадровый офицер. И умею мыслить логически. Вот и всё.

Подполковник молчал, обдумывая что-то свое. Бельский понял — момент настал.

— Дайте мне возможность доказать свою полезность. У вас наверняка есть дело, зашедшее в тупик — такие в столе дознавателя найдутся всегда. Позвольте мне взглянуть. Если я окажусь бесполезен — без возражений последую в то ведомство, куда вы намеревались меня передать. И буду премного благодарен за ваше участие. Слово офицера.

Храпов помедлил, убрал гильзу в пакет и поднялся. Бельский немедленно вскочил, вытянувшись в струнку.

— Подождите здесь, — бросил Храпов и вышел.

4

Прошло ещё полчаса. Бельский оставался в допросной, но дверь больше не запирали. Кто-то принёс ему обувь — мягкие, черные, высокие башмаки с хитрой шнуровкой. Под них — короткие чулки, закрывающие ступню и часть голеностопа. Тоже мягкие, тянущиеся. Они наделись, как вторая кожа. Справившись со шнуровкой и встав на ноги, Бельский тотчас почувствовал себя человеком.

Из коридора доносились голоса: Храпов с кем-то переговаривался — сначала отрывисто, затем тише, вкрадчивее. Долетали обрывки: «...говорю тебе, Алиса, он не похож...», «...просто посмотри, это твоя тема, не моя...».

Затем послышались шаги. Двое. Один — тяжёлый, размеренный (Храпов). Второй — быстрый, чёткий, с узнаваемым ритмом военного строя.

Дверь открылась.

На пороге стояла... женщина. Бельский поднялся автоматически, по привычке, выработанной годами службы, — и замер, не в силах скрыть замешательство.

На ней была та же тёмно-синяя форма, что и на Храпове, но полосы со значками, заменявшие здесь эполеты, выглядели иначе. Звезда одна, а просветы зеленые, не красные, как у Храпова. И те же скрещенные шашки на золочёных пуговицах. Военное братство, если судить геральдически.

И женщина. Оттуда.

Или Бельский в конец сошел с ума, или геральдика здесь врала, или же В его голове возникла догадка, что в будущем женщины воюют вровень с мужчинами. Это хоть что-то объясняло. И ещё Бельскому показалось, что хоть звезд на эполетах женщины меньше, но классным чином она вряд ли уступала полковнику.

И внешность у неё была жесткая, не чета круглолицему Храпову. Женщина была высока, сухощава и с короткой стрижкой, словно после болезни. Лица не назвать красивым — скорее, оно было острым, как лезвие клинка. И тонкий шрам над левой бровью. Не с детского озорства, и не от девичей неосторожности.

Грубый шрам. Боевой. А взгляд — прямой, оценивающий. Офицерский.

Его догадка, что женщины тут служат, наполнялась плотью.

— Младший советник Корецкая, — представилась остролицая дама. — Алиса Валеревна. Следственный Комитет.

Женщина. Советник. Следовательно, то есть военный дознаватель, надо полагать.

В его мире женщина не могла быть офицером. Не могла вершить правосудие. Не могла командовать мужчинами. Женщина в армии — это нарушение порядка вещей. И всё же — вот она, здесь. Храпов смотрит на неё как на равную. Именно так — как на равную, без тени снисхождения.

И снова сознание кольнула мысль — колючая, как искра: «Меня разыгрывают. Это невозможно». Но тут же вспомнилось: «Она вошла как офицер. Шаг твёрдый, разворот плеч — строевая выучка. Нет, это не комедия».

И как ересь, как крамола в оболочке разума, подтверждение догадки: «Да, женщины тут воюют».

Он справился с собой. Каблуки щёлкнули — рефлекс, который не вытравить даже двумя столетиями разлуки с флотом.

— Капитан-лейтенант Бельский, — произнёс он. — Александр Платонович. Честь имею.

Помешкав долю секунды, он добавил — потому что промолчать означало бы изменить самому себе:

— Прошу прощения, сударыня, но мне непривычно обращаться к даме как к старшему по званию. Если я допущу неловкость — прошу снисхождения.

Корецкая приподняла бровь и перевела взгляд на Храпова.

— Подполковник, — произнесла она. — Вы ничего не перепутали? Мне казалось, вы сказали: у вас сидит «подозрительный тип».

— Уже нет, — отозвался Храпов. — Подозрительный тип оказался экспертом по баллистике, который никогда не видел «Осы», но разобрался в ней за минуту.

— Осы?

— Травмат, — объяснил Храпов. — Чопики из охраны стройки. На них уже жаловались за грохот по ночам. Отработаем. Спасибо этому — теперь у нас гильза.

Корецкая вновь посмотрела на Бельского. Долго, изучающе. Затем села на стул напротив.

— Садитесь, — сказала она. — И рассказывайте. Всё. С самого начала.

Бельский опустился на стул. Спину держал прямо, струной. Взгляд — твёрдо в глаза собеседнику.

— Прежде чем я начну, позвольте узнать: как мне должно к вам обращаться, чтобы не нарушить ни чинопочитания, ни простой вежливости к даме?

Женщина усмехнулась, переглянувшись с Храповым.

— Подполковник, у вас тут, в ЦАО, все задержанные такие изысканные?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Высокій грѣхъ

1

Объяснительную записку он писал весь день, до самого вечера. Старательно изводил бумагу: благо, недостатка в ровно порезанных, ослепительно белых листах не было — ему выдали стопку, которой хватило бы на три тома мемуаров.

Хуже обстояло дело с пером. Прозрачный гранёный цилиндр писал вязко, густым, пачкающим составом, напоминающим синий дёготь. Инструмент не реагировал на нажим, портил почерк и вызывал у Бельского глухое раздражение. Стопка забракованных листов росла, соревнуясь по высоте с годными.

К обеду, когда принесли завёрнутую в прозрачный (снова!) тонкий материал еду, он всё же высказал нарекания к писчему инструменту. Удивительно, но к просьбе прислушались. После трапезы, больше похожей на сухой паёк, ему выдали иное перо — тоже необычное, но пишущее привычными жидкими чернилами, хоть и синими. Дело пошло веселее: чернила сохли мгновенно, не требуя промокательной бумаги, а перо отзывалось на силу руки с похвальной охотой.

К шести часам пополудни, когда небо за окном окрасилось в багровые тона, в комнату постучали. В дверях появилась Корецкая. Полицейский, дежуривший в коридоре, что-то негромко сказал ей, усмехнулся и закрыл за женщиной дверь.

Бельский поднялся, вытянувшись в струнку. Оглядел новый облик младшего советника юстиции — и замер.

Теперь она напоминала не мифическую амазонку, а женщину из тех, что в его время именовали куртизанками. Откровенный, обтягивающий ноги брючный наряд сменился коротким, чуть ниже колен, платьем. Чёрным, как безлунная ночь. Оно облегло фигуру так плотно, словно было второй кожей, и при каждом движении мягко струилось, подчёркивая все линии тела.

Бельский приказал себе не думать о нравах этого века. Он здесь — чужак, чей устав в чужом монастыре не имеет силы.

— Здравствуйте, капитан-лейтенант, — произнесла она и первым делом бросила взгляд на стопку исписанных листов. — Кажется, у вас талант писателя.

— Добрый вечер, госпожа младший советник, — ответил он, сохраняя выправку. — Велено изложить во всех подробностях — выполняю.

— Перьевой ручкой? — она кивнула на инструмент. — А чего гусиное перо не попросили?

— Испрашивал. Вручили это. Пользовал с удовольствием и признательностью. Качественная вещь, доложу вам.

— И дорогая, — в голосе Корецкой промелькнула улыбка, хоть лицо осталось серьёзным. — Будь у Толстого такое, он бы не три тома «Войны и мира» написал, а все шесть. Правда?

Бельский пожал плечами. Писателя Толстого он не знал. Более того, подобно большинству сослуживцев, он не питал пиетета к творчеству литераторов-многотомников, о чём и сообщил — со всей своей офицерской прямоотой.

— Хорошо-хорошо, — отозвалась женщина. — Не спорю. Но я не литературу обсуждать пришла. Я получила добро забрать вас на вечер. Собирайтесь, Александр.

Бельский хотел было поправить её, напомнить о своём отчестве, но передумал. Она — офицер, пусть и в чине советника. А он здесь лишь гость, чьё положение весьма шатко.

— Мне потребна одна минута, госпожа. И я буду в полной готовности.

Корецкая кивнула и вышла. Резко, по-деловому, совсем не в соответствии со своим вызывающим нарядом. Бельский, дождавшись, пока дверь закроется, тут же отвёл взгляд — со

спины платье почти полностью открывало лопатки, — и повернулся в угол, который сам назначил «красным».

Он начал молитву за успех предстоящего дела.

2

Бесноватыми повозками, которые напугали его у котлована, оказались самобеглые экипажи — без лошадей и кучера. Управлять ими полагалось самостоятельно. Судя по тому, как уверенно с этим справлялась Корецкая, искусство сие было не из сложных. Дама-дознатель сидит себе слева, вращает небольшой гладкий штурвал — и машина следует заданному курсу. Всё как на корабле, только вместо воды — тот самый удивительный серый камень. Гладкий, ровный, лишь изредка дающий малую волну или дрожь от неровностей.

Бельский наблюдал, как младший советник юстиции обращается со штурвалом — небрежно, почти двумя пальцами, — и поражался торжеству техники в этом мире. А вот люди. Люди здесь оказались не столь уж и далеки от его времени. Во всяком случае, дорожный городской, остановивший их повозку и заглянувший в самостоятельно опустившееся боковое окно, тут же переменялся в лице, едва увидел документ в кожаной обложке. На тиснении красовался всё тот же двуглавый орёл на фоне скрещенных шашек.

Городовой выпрямился, отступил на шаг и, поправив головной убор, отдал честь. Пожелал доброго пути и вернулся к собственной повозке — низкой, белого цвета, с нестерпимо яркими синими и красными огнями на крыше.

— Городовые со своими экипажами? — удивился Бельский.

— Ну не пешком же им патрулировать, — Корецкая смотрела на него в маленькое зеркальце под потолком, и Бельский видел, что она улыбается. — Город велик. Пешкодралом не набегаешься.

— Да Москва выросла, — задумчиво произнёс Бельский, глядя на бесконечный поток огней. — Я уж боюсь предположить, какова же тогда столица.

Корецкая усмехнулась, вращая штурвал и возвращая экипаж в фарватер серого камня, размеченный яркими белыми линиями.

— Москва и есть столица.

— А-а — только и вырвалось у него.

В голосе промелькнула грустинка, которую он не смог скрыть. Вот, стало быть, как. Белокаменная вновь отобрала статус у Града Петрова. Корецкая, если и заметила перемену в его настроении, виду не подала. Экипаж, мягко покачиваясь, набрал огромную скорость. Ограждения вдоль дороги проносились столь стремительно, что сливались в сплошной фон. Бельский сглотнул, чувствуя, как к горлу подкатывает дурнота. Вот же напасть: патентованный офицер флота, а страдает морской болезнью на суше.

Он вновь поймал взгляд женщины в маленьком зеркальце. Она смотрела вперёд, лишь изредка бросая быстрые, толковые взгляды в боковые зеркала. Видимо, контролировала обстановку вокруг. Он подумал было, что здесь нужны армейские навыки, чтобы удерживать такой темп в плотном потоке, но тут же одёрнул себя: не все же москвичи — офицеры! Складывалось ощущение, что весь город пересел на эти повозки и куда-то спешит, не зная преград.

Впрочем, и на тротуарах людей хватало.

Москву он не узнавал. Бывал здесь дважды, проездом на юг, и запомнил старую столицу приземистой, колокольной, тёплой в своей хаотичности — в сравнении с городом Петра. Хаоса хватало и сейчас, но теперь он выливался на широченные проспекты, залитые ярчайшим светом с высоченных, стройных, как молодые сосенки, столбов.

Но дома. Дома здесь были втрое, а то и впятеро выше фонарных жердей. Настоящие исполины, этажей в которых — не сосчитать. Каменные, стальные, стеклянные, все униженные светящимися квадратами окон. Тысячи разноцветных лампад. И за каждой — чьи-то жизни, семьи, судьбы. — Тут всегда так людно? — спросил он.

— В Москве — всегда, — ответила Корецкая, не отрываясь от управления.

Повозка нырнула в тоннель, вынырнула, обогнула площадь с гигантским светящимся шаром, подвешенным неведомо на чём. Бельский прикидывал размеры, пытался вычислить расстояния, постичь механику этого города, и в какой-то момент осознал, что улыбается. Не от веселья — от охватившего его трепета. Город будущего, при всём своём пугающем величии, был по-своему прекрасен.

Как штормовое море: страшно, но глаз не оторвать.

«Честь имею, океанский простор, — мысленно произнёс он. — Давай знакомиться заново».

3

Заведение, у которого Корецкая остановила экипаж, снаружи выглядело скромно: обычное здание с четырёх этажами, тяжёлая деревянная дверь и фонарь над входом — вроде бы, газовый, но свет ровный, не мерцает. Электричество. Здесь везде электричество.

Внутри были и людская, и даже человек в раздевальной комнате на несколько десятков номеров, куда можно было сдать верхнюю одежду. У Бельского такой не было, Корецкая отдала легкую накидку, что поверх платья. Только сейчас он заметил причину чуть неестественной походки женщины — на ногах у неё были туфли с неестественно высоким и тонким каблуком. На таком стоять — то великий навык нужен. Но и выглядеть любая дама в таком виде будет выигрышно, этого не оспоришь.

Они прошли внутрь. Там пахло дорогим сигарным табаком — его запах Бельский знал хорошо. И ещё подмешивалось в воздух что-то, напоминающее амбру. Из глубины здания доносилась непривычная, пульсирующая музыка со струнными поверх. Не неприятно. Необычно.

Когда они наконец дошли до зала, Бельский поменял определение «необычно» на «вызывающе».

Тут были женщины. Много женщин.

Все молодые, все в платьях, которые ещё недавно он счёл бы неприличными даже на фоне весьма откровенного наряда Корецкой.

Молодые особы сидели прямо рядом с мужчинами, не скрывая своей связи — личной или купленной, неважно. Мужчины все были немолоды, одеты пристойно, с холёными лицами и руками. Кто-то смеялся, кто-то говорил друг с другом в полголоса. Один в открытую ворковал с приклеившейся к нему особой, у которой подол платья заканчивался, так и не начавшись.

А по центру помещения, на круглом помосте, освещённая множеством невидимых прожекторов, танцевала ещё одна девушка. Её танец откровенностью мог посоперничать только с нарядом которого почти и не было. Бельский на мгновение отвёл взгляд, но заметил улыбку на лице Корецкой, и снова взял себя в руки.

Не хотелось показать себя ханжой. В портовых кабаках Неаполя и Портсмута он видал и не такое. Но здесь — здесь было иначе. Ни грубости, ни матросни, ни пьяного угара — ничего естественного для человеческой сущности, которая вышла наружу после длительного воздержания. Здесь всё было дорого, тихо и, главное, очевидно узаконено. А значит — ещё более порочно. Как будто блуд стал развлечением для избранных, которые не обязаны отчитываться ни перед кем: даже перед собой и Богом.

Корецкая пошла через зал — прямо, уверенно, как хозяйка. Ей уступали дорогу, иногда даже кивали. Один из мужчин — пожилой, с седыми висками, но озорными глазами, — приподнял бокал в приветствии. Корецкая ответила коротким движением головы и села за стол в нескольких шагах дальше.

Бельский подождал, когда она устроится, и присел напротив. Диван, на котором устроилась женщина, позволял быть и рядом, но это было бы уже верхом наглости. Тем более здесь, среди этих людей.

Корецкая тем временем нащупала в кошельке на шнурке через плечо какую-то странную штуку с мундштуком, как у турецких кальянов. И да, чуть помедлив, сунула его в рот и вдохнула в себя воздух через штуку. Выпустила обратно нет, не дым, а водянистый пар с явным ароматом никотина и почему-то лаванды.

— Зачем мы здесь? — спросил он, неодобрительно глядя на курящую Корецкую.

— Не нравится? — она обвела зал взглядом.

— Кто я, чтобы оценивать? — Он пожал плечами. — Но если изволите честности, то да. Не нравится.

Корецкая пустила ещё одну струйку туманного дыма.

— У меня в работе дело, — сказала она, и Бельский понял, что вот оно — то самое главное под слоем напускного и неприличного. — Трудное. Фигурант — очень крупная персона. Не знаю, как по-вашему, но у нас — действительный советник юстиции второго класса.

— У нас тоже крупная. — Бельский поднял в памяти табель о рангах. — Между генерал-аншефом и полным генералом. Очень высоко.

— Вот-вот, — Корецкая снова выдохнула дым. — Я не могу ему ничего предъявить официально. Связи, генеральский иммунитет, репутация в нужных кругах, вы понимаете.

Бельский кивнул. Он понимал. Наверное, впервые с момента, как вылез из-под завала — понимал очень хорошо. Её язык, чужой и резкий, теперь воспринимался им куда ближе. Корецкая говорила о том, что за два века почти не изменилось — о людях.

— Он подонок, — неожиданно припечатала она. — Доказательства есть.

— Что он подонок?

— Что он преступник, — она усмехнулась. — Но первого это не отменяет. И этим фруктом, увы, некому заняться.

— У вас не хватает людей? — догадался Бельский.

— Людей у меня хватает. — Корецкая хмыкнула. — Полномочий тоже. Но если я им займусь, то мне сломают карьеру раньше, чем я сломаю его.

Бельский медленно кивнул. Да, два века ничего не изменили. Может быть, даже усугубили.

— Зачем вам я? — спросил он.

— Мне нужен тот, кто видит людей, когда я приставляю им нож к горлу. Мягкий такой ножик, гуттаперчевый. Но — клинок. Понимаете?

— Вам нужен партнер-наблюдатель?

— Просто наблюдатель, — глаза женщины сузились. — Среди моих коллег таких нет. У них у всех карьеры. Семьи. А вы — человек-призрак. Вас нет. Вы не встроены в систему, вас нечем брать.

У него внутри оборвалось.

Вот оно — его проверили и подтвердили, что Александра Платоновича Бельского в этом мире действительно нет. И самозванцев, им притворяющихся — тоже. Неважно как, но проверили. Значит — если и не поверили полностью, то хотя бы признали, что он хотя бы не врёт.

— Чем я могу быть полезен?

Корецкая выпустила последнюю струйку лавандового дыма и убрала мундштук без кальяна в свой кошель. Подняла взгляд и сказала в глаза Бельскому:

— Сидеть. Молчать. Следить. Потом расскажете всё то, что увидели на роже этого пройдохи. Это вам под силу?

4

Человек по фамилии Штольц приближался с той особой уверенностью, что даруется лишь неограниченной властью. Так ходят сановники, привыкшие, что им уступают дорогу — не из страха, а по чину. Бельский таких навидался: походка размеренная, плечи развёрнуты, подбородок приподнят ровно настолько, чтобы смотреть на окружающих чуть свысока. За этим

может прятаться что угодно — от глубокой мудрости до полной пустоты. Одного там нет точно — естественности.

Штольц был ухожен, подтянут, и на свои годы, которых Бельский насчитал около пятидесяти, выглядел преотлично. Выправка не армейская, скорее — кабинетная, чиновничья. Человек высокого ранга, привыкший повелевать.

Рядом — девушка. Тоненькая, почти прозрачная, в лёгком тёмном платье, едва прикрывающем плечи. Шестнадцать лет, не больше. Бельский заметил это не по фигуре, а по тому, как она вцепилась в локоть Штольца — так в шторм держатся за поручень, когда палуба уходит из-под ног.

Пара приблизилась. Корецкая поднялась с места. Бельский, помедлив, тоже вытянулся, но без суеты, не во фрунт.

— Олег Германович, — произнесла она голосом лёгким, словно морской бриз, — какая неожиданность. И без охраны?

— Алиса Валерьевна, — Штольц улыбнулся. Улыбка вышла открытой, но глаза оставались холодными, как наледь на воде у причала. — А вас-то сюда какими судьбами? Вы же у нас слывёте аскетом.

— Помогаю другу, — она кивнула на Бельского. — Изучаем нравы высшего общества.

— Ваш друг — учёный? — Штольц приподнял бровь, окинув Бельского беглым, оценочным взглядом. — Не знал, что вы общаетесь с мужами науки.

— Мой друг — личность разносторонняя, — отозвалась Корецкая. — И притом чрезвычайно скромная. Зовут Александр.

Бельский ответил Штольцу коротким кивком. Никаких каблуков, никаких «честь имею». Он понимал свою роль: сейчас он — лишь тень при женщине-офицере, статист, чья задача — наблюдать.

— А мою спутницу зовут Катя, — бросил Штольц. — Катя, поздоровайся.

Бельский не дрогнул, но внутри всё сжалось. Штольц отдал приказ девчонке с той же интонацией, с какой белый плантатор распоряжается рабыней в Вест-Индии. Катя едва слышно пробормотала приветствие, не поднимая глаз. Она была испугана, и страх этот был так велик, что она пыталась стать невидимой. Хуже всего был жест защиты: она не вжимала голову в плечи, она инстинктивно сомкнула бёдра, пытаясь закрыться от мира.

Бельский стиснул зубы. Рука сама собой дёрнулась, ища кортик. Его не было. Он здесь никто. Просто «запоминательная машина», здесь наверняка уже такие придумали.

— Присядете? — Корецкая указала на свободные кресла. — Составьте компанию.

— А паркуа бы и не па? — Штольц рассмеялся своему же искалеченному французскому и опустился на диван, даже не взглянув на женщин. — Садитесь, садитесь. В ногах правды нет. Даже в таких прекрасных, как ваши.

Он смотрел на Катю, но слова были адресованы Корецкой. Та улыбнулась «шутке» и присела. Бельский опустился на край дивана последним. Он убрал руки под стол, потому что правая истово сжимала кулак, искала оружие. Бельский остро хотел вызвать этого человека на дуэль.

Но — он здесь не защитник чести и достоинства. Сегодня уж точно.

Светская болтовня никогда не была коньком Бельского, и сейчас он был этому только рад. Корецкая и Штольц обменивались новостями, обсуждали законы, сетовали на какие-то городские пробки. Болтали. Бельский слушал вполуха, анализируя не слова, а мимику. Корецкая держалась легко, расслабленно — мастер маневра. Штольц же был искренне спокоен. Это было пугающе. Он не ждал удара, потому что чувствовал себя хозяином жизни в этом оплоте греха. Переводил его в статус греха высокого, некараемого.

Вдруг Корецкая чуть подалась вперёд:

— Олег Германович, а не опасно ли появляться здесь в обществе столь... неподготовленных к высшему свету особ? — она едва заметно кивнула на Катю.

Штольц прищурился.

— Вы собрались читать мне мораль? — спросил он сквозь улыбку. — Будучи самой здесь?

Корецкая открыла рот, чтобы ответить, но он перебил:

— Я не состою в браке.

Он посмотрел на неё так, словно впечатал в лицо клеймо: «Вы — мужняя жена, и находиться здесь вам куда менее уместно, чем мне». И всё это — молча.

Бельский медленно моргнул. Господи Иисусе, куда ты меня привёл и, главное, зачем?

Корецкая сделала вид, что не заметила отповеди, но Бельский видел: она заметила. В первом боевом столкновении противник обрушил всю огневую мощь, и женщине пришлось уйти под ветер, чтобы сохранить лицо.

Но сражение только начиналось.

Ещё через несколько минут Корецкая вновь открыла огонь — на этот раз прицельно.

— Кстати, — обронила она, небрежно помешивая напиток, — вы не в курсе, чем сейчас занимается Царёв? Наткнулась на его имя в старом деле, хотела уточнить детали, но след простыл.

Бельский продолжал изучать убранство зала, боковым зрением впившись в Штольца.

Лицо чиновника не дрогнуло — ни единым мускулом, ни тенью сомнения. Но пальцы правой руки, сжимавшие бокал, едва заметно сдвинулись. На ширину ногтя, не более — но для того, кто привык следить за движением сигнальных флагов на мачтах, это движение было подобно выстрелу.

— Царёв? — Штольц картинно приподнял бровь. — Это тот, кого попросили из Комитета, и он «послушно» исчез с горизонта?

— Он самый.

— Понятия не имею, — Штольц подавил зевок, демонстрируя полное равнодушие. — А зачем он вам? Могу попросить знакомых разузнать по своим каналам.

— Да мелочь, — отмахнулась Корецкая. — Старая история, ещё из девяностых. У меня накопилось много архивных долгов, но ничего такого, чтобы тревожить ваших людей.

— Архивные долги, — Штольц словно пробовал слова на вкус, катал их на языке. — Похвально. Мало кто нынче имеет вкус к архивной пыли.

— Иногда под ней находишь удивительные вещи, — расслабленно произнесла женщина, на мгновение скользнув взглядом в сторону Бельского. — Мне в последнее время везёт.

Они смотрели друг на друга, обмениваясь всё теми же ледяными улыбками. Но теперь до Штольца долетали залпы не менее опасные, чем он сам выпускал в ответ.

«Битва равных, — подумалось Бельскому. — Но на деле — фрегат против линейного корабля. Просто фрегат маневреннее и бьёт точнее».

Катя, не понимавшая подтекста беседы, отстранилась и нервно мешала что-то в своём бокале. На Бельского она смотреть опасалась, и он вдруг осознал: она боится не Штольца, и уж точно не Корецкую.

Она боится его самого. Любопытный факт. Бельский зафиксировал это в памяти, как отметку на лощи, и вновь сосредоточился на Штольце. Теперь он знал: некто Царёв — это болевая точка, а возможно, и скрыт-камера, полная пороха. Корецкая, со своей дистанции, точно знала, куда целить. И это было самое важное донесение, которое он мог усвоить.

Корецкая дала ему отдышаться и заговорила со Штольцем о чем-то нейтральном. Тот отвечал, шутил, даже посмеялся в ответ на её шутку. Катя расслабилась и прильнула ближе к хозяину. Бельский же, глядя на всё это, понял — Корецкая с таких высот дознания, что

ему, пожалуй, ещё поучиться. Не дознаватель — дирижёр. Ведёт разговор, как музыкальное произведение, чередуя напряжение и разрядку.

Сейчас — разрядка. Бельский догадывался, что последняя перед финалом. Он ждал той самой фразы — и она наконец прозвучала. За минуту до того, как Штольц, рассчитавшись с официантом и поднявшись с места — наконец-то ему пришлось в голову подать руку Кате, — собирался уходить.

— Олег Германович, — произнесла Корецкая.

Штольц повернулся. Без слов, но с выражением «Ну что еще?».

— Знаете, мой отец повторял: «Хочешь понять офицера, посмотри, с кем он делит досуг». — она сделала небольшую паузу. — А друг моего отца, тоже уважаемый человек, вообще любил цитировать Сталина: «Кадры решают всё».

Штольц замер — всего на ничего. Две-три секунды. Но Бельский видел, как в глазах чиновника промелькнула целая цепочка мыслей, от узнавания и удивления — к потрясению с последующим фальшивым успокоением.

Корецкая не дала ему ответить.

— Я рада, что мы встретились здесь, — сказала она. — Вам-то в самом деле тут место, а я теперь буду внимательнее.

Штольц уже был заряжен, и справился с собой мгновенно. Улыбка на место, спокойный тон, рука — в обхват тоненькой девичьей талии.

Он кивнул.

— Истинно так, Алиса Валерьевна. Рад, что помог. — Он отвернулся и дёрнул девушку. — Идём, Катерина.

Штольц ушёл в сопровождении семенящей на слишком длинных каблуках Кати. Корецкая проводила парочку взглядом, повернулась к Бельскому. Лицо её было спокойным, но усталым. Женщина, не глядя, достала свой мундштук, нажала на какую-то выпуклость и, не дожидаясь, сунула цилиндр в рот.

Бельский молча смотрел, как она делает первую затяжку — слишком долгую, как по нему.

— Ну, — спросила она. — Что скажете, Александр Платонович?

Бельский поставил бокал на стол — он так и не притронулся к содержимому.

— Скажу, Алиса Валерьевна, что обсуждать только что случившееся потребно в месте, как можно более далёком от этого. И, желательно, наедине.

Корецкая усмехнулась, выпуская ещё одну струйку дыма. И сказала:

— Ну не обижайтесь, Александр. Я просто не могла не пошутить на тему вашей архивности.

А Бельский и не думал обижаться. Его просто до сих пор не отпустило, вот и сказал длиннее, чем надо бы.

5

Далёким местом оказался экипаж Корецкой.

Она села не на место рулевого, к штурвалу, а назад — рядом с Бельским. Экипаж был не сильно велик в ширину, но диван столь качественно выполнен под фигуру, а между отдельными местами был такой массивный подлокотник, что сидящих рядом мужчину и женщину при всём желании нельзя было заподозрить в какой-либо интимности. Это позволило Бельскому собраться самому и собрать воедино все свои наблюдения. Так что докладывал он уже, будучи совершенно сконцентрированным.

— Вы спрашивали, что я видел, — произнёс он. — Так вот, сообщаю. Я видел человека, который не боится ни вас, ни кого-либо над вами. Даже вашего ведомства, сколько б чинов ещё ни было над его собственным.

— Вот как? — Корецкая смотрела прямо, в спинку рулевого сидения. — Что, прямо никого наш Штольц и не боится?

— Я не говорил, что никого, — возразил Бельский. — Я сказал, кого и чего он точно не боится. Страх же его лежит пред этим вашим Царёвым.

Корецкая резко повернула голову.

— Продолжайте, — уже не попросила, но приказала она.

— Когда вы упомянули Царёва, его пальцы сдвинулись. Ненамного, но заметно. Он не знал, что вы знаете Царёва. Теперь знает.

— Пальцы я тоже углядела, — сказала Корецкая. — А почему вы думаете, что это именно из страха?

Бельский вздохнул и процитировал то, что однажды слышал от своего учителя. С точностью до слова.

— Потому, что люди такого калибра не контролируют только самые звериные свои ипостаси. Страх зверя — он сильнее зверя. Ибо лишь страх удерживает его в живых.

— Интересная теория.

— Это не теория, — Бельский улыбнулся. — Это практика. Школа одного очень хорошего дознавателя

Бельский вдруг понял, что, чудесным образом перенесясь на два века, ещё дальше отдалился от своего учителя. Тоска ткнула в сердце.

Он повернулся к женщине.

— А кто такой Сталин?

— Вы правда не знаете? — Корецкая посмотрела на него без недоверия, просто с вопросом. — Сталин — это легендарный глава государства. Тот, кому с одной стороны поют осанны, а с другой — проклиняют, как деспота и тирана.

— Он чем-то прославился?

— Он спас эту страну от порабощения и уничтожения, — сказала Корецкая. — Так думает мой хороший друг.

— Ваш муж? — догадался Бельский.

Она беззвучно засмеялась, затем снова полезла за своей паровой сигарой. Нашла, но в рот не клала — оставила в пальцах. Держала она её, как держат настоящую сигару, не цыгарку.

— Нет, Александр Платонович, — сказала наконец она. — Муж мой до такой мудрости не дошёл бы. А почему вы спросили о Сталине?

Бельский смотрел, как на цилиндре рядом с мундштуком красный огонёк сменил цвет на зелёный — сам, словно надумал.

— Штольц боится этого Сталина не меньше, чем Царёва, — произнёс он. — А скорее, даже больше.

Он поднял голову и встретился глазами со взглядом Корецкой. Женщина смотрела прямо и как будто внутрь — вообще не интересуясь его физиономией.

— А я начинаю бояться вас, Александр Платонович, — произнесла она.

Но сказала это без страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.